

ФЕЛЬЕТОНЪ

Наши журналы.

«Убийство», рассказ А. Чехова. — «Юбилей», повесть Г. Альбова. — «Поль землей», очерк Г. С. Рафкиновича. — «Эпи-хип-и-онъ», поэма Шелли. — «Камо грядеши?», роман Г. Шевенюка. — Очерки критика «Русской Мысли» о романе Г. Моржковскаго.

(«Русская Мысль», ноябрь).

Въ нашемъ простомъ вардѣ, въ этой тинной невѣстивной массѣ, дикой, грубой, подчасъ жестокой, никогда не умирало исцеленіе правды и Бога живого: какъ тысячу лѣтъ назадъ, такъ и теперь среди его являлись и вставали лица, отвергающіе все широкое, суетное, и идущія на спасеніе правды, вѣрныя ее пониманью. Это исцеленіе очень часто принимало нелюбимыя, глупыя формы, но это вопреки другой. Самый же фантъ существованія въ народѣ какъ и правды и Бога не поддается сомнѣнію. «Власть тьмы» уродуетъ эту жажду, но это заставляетъ только жалѣть, что лучшія и чистыя силы народной души, благодаря ей, гибнутъ. Но про свѣтъ свѣтотъ знанія могучую народную душу, разбейте ея въковыя оковы суетвѣрій и невѣстива, и вы увидите, въ какія идеально чистыя формы выльется ея страстное томленіе по правдѣ, по Богу. Отъ возвышенія и диваго аскетизма не останется и слѣда. А до тѣхъ поръ пока душа народная будетъ, точно слѣпанъ, бродить въ потемкахъ, нечего удивляться, если исцеленіе правды выльется у нея въ самой дикой формѣ.

На эти мысли навело насъ чтеніе разсказа Г. Чехова «Убийство», въ ноябрьской книжкѣ *Русской Мысли*.

Было два брата Матвій и Яковъ Гереховы, люди богатые; они содержали трактиръ около глухой желѣзнодорожной станціи «Прогонной». Братъ выросъ въ релігіозной семьѣ, понимавшей священное писаніе не просто, а все понимающей въ немъ скрытаго смысла, убѣжденной, что въ каждомъ слогѣ словъ должна содержаться глгоя явнубъ тайна. Матвій съ дѣтства выросъ въ мечтаніяхъ и въ погнбѣ. Дѣвятилѣтнимъ мальчикомъ онъ читалъ въ церкви апостола. Жажда истины и Бога живого вылилась у него прежде всего въ томъ, что онъ

воды не пилъ, табакъ не курилъ, соблюдалъ частоту телесную. «Далъ я обѣтъ, разсказывалъ онъ.—не кушать по понедѣльникамъ молодого и не кушать мяса во всѣ дни». Соблюденіе постовъ онъ довелъ до того, что первую недѣлю Великаго поста буквально ничего не ѣлъ. Не ограничивался этимъ, Матвій сталъ налагать на себя нескія послужанія: вставалъ по ночамъ и полагалъ бѣлы, наизусть тяжелые таскалъ съ шѣста на шѣсто, на снѣгъ выходилъ босикомъ, облачался въ вериги. И возникало о себѣ Матвій, какъ о праведникѣ Божіемъ, чуть ли не сватомъ. Пересталъ онъ ходить въ церковь, пить на капроеъ, пересталъ исповѣдываться у священниковъ.

Исповѣдуюсь я однажды,—разсказывалъ Матвій,—и вдругъ такое мечтаніе: вѣдь, священникъ этотъ, душамъ, женатымъ, спорившимъ в табачники; какъ же онъ можетъ меня исповѣдать, и какую онъ имѣетъ власть отпущать мнѣ грѣха, если онъ грѣшникъ, чинъ и! Я даже постнаго масла остерегаюсь, а онъ небось оострину ѣлъ... И представляется мнѣ, будто народъ въ церкви не такъ вретится, не такъ слушаетъ; на кого ни погляжу, всѣ пьяницы, скоромники, табачники, блудники, вартеники, одинъ только я живу по заповѣдямъ».

И задумалъ Матвій устроить свою собственную молельню. Быстро по городу разнеслась молва: Матвій святой, Матвій большій—и безумныхъ исполняетъ. Стали ходить къ нему бабы и старыя дѣвки, являлись ему въ ноги, руны целовали, выдѣли снѣгъ вокругъ его голы и считали сватыми. Кончилось все это тѣмъ, что во время одного общаго моленья, Матвій «въ дикомъ безпачетствѣ впалъ въ блажь». Послѣ этого въ духовной жизни Матвія произошелъ переломъ. Пошелъ онъ въ гости къ одному знакомому пещенному человѣку и тотъ отчиталъ его: «Будь, говорить, обыкновенный человѣкъ, ѣшь, пей, одѣвайся и молись, какъ всѣ, а что сверхъ обыкновеннаго, то отъ бѣса».

«Вериги, говорить, твои отъ бѣса, посты твои отъ бѣса, молельня твои отъ бѣса; все, говорить, это гордость». Съ тѣхъ поръ отогналъ отъ себя Матвій свои «мечтанія», понялъ, что не въ веригахъ, не въ постахъ и истязаніяхъ заключается правда Божія, а сталъ обыкновеннымъ православнымъ человекомъ.

Не такъ-ли былъ старшій братъ его Яковъ Ивановичъ. Послѣ смерти своей жены онъ вдругъ пересталъ ходить въ церковь молиться, потому что думалъ, какъ и Матвій раньше, что въ церкви не точно исполняли уставъ, а священники пили вино въ непозванное время и курили табакъ. Глядя на него, совратилась и сестра Агния. Съ нею то онъ и молится дома. Всю свою жизнь Яковъ Ивановичъ построилъ согласно уставу: такъ еда въ волю и въ посту въ какойнибудь день разрѣшалось, по уставу, вино, ради труда бдѣннаго, то онъ непременно пилъ вино, даже если не хотѣлось.

Онъ читалъ, ѣлъ, пилъ и постился не для того, чтобы получить отъ Бога какія либо блага, а для порядка. Но этотъ порядокъ, доставлявшій столько счастья Якову, жестоко нарушался прозвѣстиемъ Матвіемъ. Онъ не хотѣлъ молиться вѣнсь, а пилъ чай не во время, поудно вставалъ, въ среды и пятницы пилъ молоко и почти каждый день во время молитвы входилъ въ молельню и кричалъ: «Образумитесь, братцы! Покаяйтесь, братцы!» Отъ этихъ словъ Якова Ивановича бросило въ жаръ, Агния не выдержавъ, начинала браниться. Или ночью, подражаніемъ, Матвій входилъ въ молельню и говорилъ тихо: «Братцы, ваша молитва не угодила Богу. Потому что сначала: прежде смирись съ братомъ твоимъ, и тогда придетъ, принеси даръ твой. Вы же дѣлаете въ роствъ даете, водочной торгуете. Покаяйтесь!»

Все это, однако, казаясь Якову пустяками. Въ словахъ Матвія онъ видѣлъ лишь обычную отговорку пустыхъ и неразумныхъ людей, которые говорятъ о любви въ ближнему, а припрятавъ съ братомъ и проч. для того только, чтобы не молиться, не постились и не читали свѣтлыхъ книгъ, и которые презрительно отыкаются о наипыи а процентяхъ только потому, что не любятъ работать...

Но тѣмъ не менѣе, Яковъ Ивановичъ былъ все же выбитъ изъ колеи братомъ. Его слова онъ хотя и считалъ пустяками, но сталъ, самъ того не замѣчая, задумываться надъ нимъ и все чаще приходило ему на умъ, что богатому трудно войти въ царство небесное, что онъ слушалъ пророковъ и мудрецовъ, что въ его трактирѣ однажды умеръ какой-то пьяница, упавшій въодлай. Смерью сталъ сваты

по началу Яковъ Ивановичъ. Жизнь по уставу не могла уже удовлетворять его. Онъ чувствовалъ, что это не то, что пять правды въ этой жизни, а где ее искать, въ чемъ она заключается—не знаетъ. Яковъ возненавидѣлъ брата своего, онъ не могъ простать ему, что тотъ нарушилъ его душевный миръ. А новые мысли толпами являлись въ его головѣ. Какъ ни старался онъ успокоить совѣсть свою, что нѣтъ ничего предосудительнаго въ наживаньи денегъ, но все напрасно. Яковъ почувствовалъ утомленіе отъ того, что онъ торговалъ... Ему уже было ясно, что онъ недоволенъ своей вѣрой и уже не можетъ молиться попрежнему. Надо было вѣстись, надо было оочиниться, образумиться, жить и молиться какъ то иначе; а, можетъ быть, все это только смущаетъ бѣсъ и ничего этого не нужно... Какъ быть? что дѣлать? что можетъ научить?

Душа Якова Ивановича орудена была потемками. Она тосковала, рвалась изъ этого мрака, и нагдѣ не было видно и слабаго просвѣта. А радость съ этимъ тоскою душевною, росла и ненависть къ брату. Случилось какъ то, въ одну изъ минутъ своего гнѣва онъ убилъ Матвея. Все это случилось какъ то неожиданно, случайно, само собой.

Шеда читателей, мы не приведемъ потрясающую картину этого убійства. Нужно быть талантомъ художникомъ, какъ г. Чеховъ, чтобы сумѣть написать ее.

Но вотъ Яковъ Ивановичъ сидитъ въ тюрьмѣ. Мученія совѣсти и мечталія и тутъ не покидаютъ его. Онъ не видитъ уже никакой вѣры, ничего не знаетъ и не понимаетъ, а прежняя вѣра была ему теперь противна и казалась неразумною, глупой. Яковъ Ивановичъ напуганъ, на Сахалинѣ.

Здѣсь, жана въ одной тюрьмѣ вѣстѣ съ людьми, пригнанными сюда съ разными лонцовъ необлажной Россіи, прислушавшись къ ихъ разговорамъ, наглядѣвшись на ихъ страданія, онъ опять сталъ возносить къ Богу, и ему казалось, что онъ, наконецъ, узналъ настоящую вѣру, ту самую, которой такъ жаждалъ и такъ долго искалъ и не находилъ несъ его родъ. Однако было непонятно ему, почему жребій людей такъ различенъ, почему эта простая вѣра, которую другіе получаютъ отъ Бога даромъ, вѣстѣ съ насильемъ, досталась ему такъ дорого, что отъ воли этихъ ужасовъ и страданій, которые, оземидъ

но, будутъ безъ перерыва продолжаться до самой его смерти, у него трясется, какъ у изныцы руки и ноги? Онъ вглядывался напряженно въ потемки и ему казалось, что сивомъ тысяча верстъ этой тьмы онъ видитъ родину, видитъ родную губернію, свой уездъ, видитъ темноту, дикость, безсердечіе и тупое, суровое, смотсноравнодушіе людей... Зрѣніе его туманилось отъ слезъ, и сердце щемилъ, отъ тоски по родинѣ и хотѣлось жить, вернуться домой, рассказать тамъ про свою новую вѣру и спасти отъ погнѣбленъ хотя бы одного человѣка и прожить безъ страданій хотя бы одинъ день...

Вотъ она страшная, всемогущая, «власть тьмы»! Она держитъ въ своихъ тѣмелыхъ оковахъ народную душу, орудуетъ ее правдой, и бьется страстная в сильная душа, и рвется прочь отъ нѣтъ, отъ этой темноты, въ свѣтъ, въ правду, къ Богу. Но что наставить ее, бѣдную, горемычную, что указать ей дорогу къ правдѣ?

Завывають кругомъ металы, стонутъ дѣла, вторятъ имъ дикіе волаи, и нѣтъ, нѣтъ не отказывается на страданія мучимой народной души! И вотъ строитъ она свою жизнь по уставу, обавуетъ тѣло свое постытсья, владеть тысячу поклоновъ. Наступаетъ забавіе. Но жавна душа просыпается, она ищетъ *живого* Бога и... познаетъ его на каторгѣ.

Завѣтъ же гавнутъ эта лучшіе, эти сильные представители народа? Когда-же, наконецъ, расцвѣтеть правъ вокругъ нихъ, и станутъ познавать они правду Божию безъ помощи тяжелыхъ страданій каторги...

Послѣ такого разсказа, захватывающаго васъ дѣланомъ, какъ-то хочется даже говорить о повѣствѣ г. Альбова—«Юбилей», вещь, собственно говоря, очень недурной, живо и занимательно написанной.

Это такъ-же непріятно, какъ и смотрѣть на легкій, игривый водовильчакъ, послѣ тяжелой драмы, раскрывающей тайны души человѣка, полныи нутъ и горя тяжелого.

Въ той же книгѣ журнала читатель найдетъ очеркъ А. Серафимовича «Подъ землей». Авторъ не претендуетъ на художественность, и въ простыхъ и ясныхъ словахъ описываетъ жизнь рабочихъ въ каменнугольныхъ волахъ. Его очеркъ суховатъ и не производитъ впечатлѣній; точно смотришь

на безжизненную фотографію.

Любители поэзіи, изящной, тонкой и легкой, какъ эфиръ, съ наслажденіемъ прочтутъ поэму знаменатаго англійскаго поэта Шелли «Эвипсидіонъ» въ прекрасномъ переводѣ г. Бальмонта.

Передать содержаніе этой поэмы нѣтъ возможности; она, если хотите, лишена содержанія, лишена плоти и крови. Это — мастерія, гениальный гавнъ любви.

«Въ то время, какъ десатис и сот на поэтовъ, вѣщавая любовь, создаютъ эротическія фантазаріи, гдѣ человѣкъ остается чужаиномъ, гдѣ чувство любви отличается вполне естественнымъ характеромъ. Шелли, говорить г. Бальмонтъ въ своемъ предисловіи, — понимаетъ любовь, какъ санонавъ благородства, связываетъ это чувство съ гуманитарною утонченностью.

Въ любви онъ стремится къ сліанію съ міровой прасотѣй, съ тою безримию, но универсальной силой, которая освѣщаетъ все, въ чему привносится».

Романъ г. Сенкевича «Кино градеши» продолжаетъ еще печататься. Своимъ мнѣніемъ о немъ, какъ о произведеніи неудачномъ и не дѣлающемъ особой чести знаменитому польскому писателю, мы не упоминаемъ и даже еще утверждаемся въ немъ.

Бѣста, сама редакція журнала, видимо, высоко цѣнитъ новый романъ Сенкевича, отрадамъ вѣстѣ съ тѣмъ всякое литературное значеніе за романомъ г. Мерешковскаго—«Отверженный», о которомъ мы такъ часто и такъ много говорили хорошаго. Критикъ почтеннаго журнала полагасть, что Юлианъ г. Мерешковскаго, не ривсидъ императоръ, человѣкъ большаго ума и выдающихся способностей, а ничтожный, жалкій декадентъ современнаго мошаба.

Насколько справедливъ этотъ не чѣмъ неоснованный отамъ, представляемъ судить читателямъ романъ г. Мерешковскаго, этого самаго замѣтательнаго литературнаго таланта послѣднихъ лѣтъ.

Алф.